

Алдолина Римма Петровна

Окончила МАРХИ в 1951 году

Работала в Моспроект-1

Римма Петровна, расскажите, как Вы себе выбрали профессию архитектора? Вам не казалось тогда, что это скорее мужская профессия?

Это не совсем стандартная история. Я окончила школу в 1945 году, когда только что кончилась война. Вообще-то, я хотела стать актрисой, и решила поступать в школу-студию МХАТ. Но я ни с кем не готовилась, выбрала для экзамена совсем не то, что мне подходит и, конечно, не прошла, конкурс был 500 человек на место. После этого мне было, в общем-то, все равно, куда поступать, а МАРХИ находился недалеко от моего дома, мы жили в центре, и я подумала – ну, а почему бы мне не стать архитектором.

Мужская это профессия или нет, я тогда не задумывалась. Я представить не могла, как трудно быть архитектором. Как однажды сказал Борис Сергеевич Мезенцев: «У архитектора должна быть «бычья шея», это чтобы выдержать удары по ней». У меня такой черты не было, конечно.

Значит, Вы в 1945 поступили. И у Вас было больше девушек или юношей на курсе.

У нас их было примерно поровну. Но среди нас были фронтовики, словом очень разный возрастной состав – и школьники, и люди, прошедшие войну. Хорошие у нас были ребята. Со мной Селим Хан-Магомедов учился, Олег Швидковский, Вадим Макаревич (отец Андрея).

А преподаватели равно относились с своим студентам, юношам и девушкам?

Да, одинаково относились. У нас очень хорошие преподаватели были на 3-4 курсе - Мелеги Лев Владимирович, потом Зундблат Георгий Александрович, они заложили основы профессии. Но мы попали в эпоху перемен. Сначала Жолтовского боготворили в институте, потом начались на него гонения. Перед нами курс, например, изучал ордера, на нашем курсе уже этого не было.

Но никакой дискриминации по «женской линии» не было.

Куда Вы после МАРХИ пошли работать?

Я по распределению была направлена в Моспроект. Он тогда только создавался. Я попала в мастерскую Розенфельда. Это была ещё дохрущевская эпоха, мы проектировали индивидуальные объекты.

Сначала мы делали здания «с излишествами», но от жизни не отрывались. Моя первая работа – комплекс домов на Автозаводской улице для завода ЗиЛ, но я не одна их делала, конечно. А потом грянуло это хрущевское постановление.

Оно для Вас стало неожиданностью, или архитекторы уже предполагали, что нечто подобное может быть после смерти Сталина?

Нет, никто ничего не предполагал. Может быть, что-то и витало в воздухе, потому что порой декоративность превышала некоторые разумные пределы. Но такого, чтобы не просто отменили все художественные элементы, но и оплевали профессию, подчинили полностью архитектуру строителям, ободрали все до неприличия – такого никто не мог ожидать.

Началась застройка Москвы типовыми пятиэтажными домами. Этажность снизили до 5, потому что Хрущёв, как тогда рассказывали, посмотрел, что осталось после Хиросимы, там остался 5-этажный дом, и решил на случай ядерной войны больше 5 этажей не строить.

Мы делали привязку этих пятиэтажек к местности, но сначала выполняли крупные планировочные работы.

Например, район Царицино (раньше назывался Ленино-Дачное), я делала можно сказать с нуля. Потом были кварталы в Нагатино, Орехово-Борисово и т.д.

Когда мы выехали в Царицыно с нашим бригадиром, Бэллой Арсеньевной Этчин, там были картофельные поля, и мы с ней намечали – здесь одна улица пойдёт, там другая. Кавказский бульвар полукруглый задумали, разделили территорию на крупные микрорайоны. Тогда возникла эта очень правильная практика – проектирования микрорайонами, чтобы в каждом микрорайоне были школа, детский сад, чтобы дети не переходили дорогу. Но школы и детские сады, и особенно магазины, невероятно отставали, или вообще не строились.

Но мы эти районы могли наполнить только абсолютно однообразными четырехсекционными пятиэтажками – вот и вся палитра.

А население, конечно, возмущалось – что это за убогость!

У Вас бригадир была женщина?

Да, Бэлла Этчин, жена Бориса Сергеевича Мезенцева. Очень энергичная, красивая, добрая женщина.

Не тяготило Вас такое однообразие в застройке, творчества, наверное, было не много в такой работе? Или нет?

Было очень тоскливо, очень трудно работать. Некоторые поменяли профессию, ушли в оформительство. Некоторые ушли в Моспроект-2 (Моспроект к тому времени разделился на 1 и 2) – там более индивидуальные объекты были. А я не ушла, у меня всегда одна работа на другую накладывалась, и невозможно было бросить. Но, конечно, мне было очень морально тяжело.

Было мало творческой свободы?

Не то, что творческой свободы – вообще творчества не было! Было засилие привязок, мы привязали многие тысячи типовых домов – это же очень однообразная работа. Индивидуальных объектов практически не было, а если были, то доставались они в основном мужчинам.

То есть, на работе уже дискриминация появилась?

Она не то, что появилась – она всегда существовала, с самого начала Моспроекта.

До меня индивидуальные заказы почти не доходили несколько лет подряд. И мне это настолько осточертело, что я пошла к руководителю мастерской и говорю ему «Отправьте меня хоть куда-нибудь, я не могу больше!». И он мне вдруг предложил поехать в Африку, в Конго. И я поехала. Другой архитектор, Вахутин, сделал там проект гостиницы, но сам он поехать не мог – был занят проектированием Дворца Молодёжи. И послали меня на чужой объект, в чужую страну. Но ничего, я справилась.

И когда меня назначили в 1980 году руководителем мастерской, это было совершенно необычно! Так и осталась я, по-моему, единственной в Моспроекте I.

А как Вам удавалось совмещать работу и семью? Тогда ведь и декретный отпуск был очень короткий.

Да, это было очень плохо. В 1955 году меня заставили оставить трехмесячного ребенка и выйти на работу, я просила дать мне за свой счёт хотя бы ещё месяц, или два, но мне не разрешили.

Первый год мама помогала, ходила на молочную кухню. Потом ребёнок был с няней, мы наняли няню, такую бодрую девчонку, из деревни.

А с 3 лет я возила дочку из Филей в детский сад ГлавАПУ на Садовое кольцо – в Филях мест в садах не было.

А каково Вам было на авторские надзоры ездить, со строителями там общаться?

Строители ко мне хорошо относились, при мне не ругались матом, и, в общем-то, слушались меня.

А среди женщин-архитекторов, которые одновременно с Вами работали, Вы бы кого выделили как наиболее талантливых, известных?

Наверное, Елену Подольскую. Я уважаю ее проекты, уважаю то, что получалось у них с Меерсоном. Но происходит такая вещь, что женщины попадают под мужское главенство, и сами остаются на втором плане. Думаю, так и со мной могло получиться, если бы я перешла в Моспроект-2.

Получается, что в середине XX века количество юношей и девушек – архитекторов, окончивших МАРХИ, было примерно 50 на 50. Сегодня и вовсе чуть ли не 80 процентов – это выпускницы, а не выпускники. А при этом на лидирующих позициях мы женщин-архитекторов не видим, почему-то.

Потому, что они идут в дизайн. Сейчас быть архитектором невероятно трудно. Раньше заказы поступали от государства, распределялись. А сейчас заказы нужно искать самим, это гораздо труднее. И плюс нужно организовывать людей. Это целый комплекс, который женщинам, конечно, труднее освоить. Да и мужчинам тоже трудно, сейчас чтобы быть успешным архитектором, нужно быть ещё и, как теперь говорится, «эффективным менеджером».

А Ваша дочь архитектор?

Да, архитектор.

А кто, все же, были самые лучшие архитекторы в 60-е – 70-е годы?

Трудно быть хорошим архитектором, когда ты связан по рукам и ногам. Мы даже не можем понять теперь, кто из нас на что был способен, настолько были жёсткие условия, настолько все условия были завязаны на промышленность. Ничего было нельзя – одни прямые углы и панели!

Виктор Владимирович Лебедев был хороший архитектор, Яков Борисович Белопольский и не только они, конечно.

Люди уходили в бумажную архитектуру, в комбинаты декоративно-оформительского искусства.

Я даже сама не знаю, что я могла бы сделать в архитектуре. Не было возможности попробовать.

А какие Ваши проекты Вам особенно дороги?

Я считаю своим важнейшим проектом Нагатинскую набережную. Это был большой градостроительный проект. Мы столкнулись с огромными трудностями при его исполнении, с трудностями именно формальными. И, конечно, серьёзной, большой работой была реконструкция ДК завода им. Лихачева.